

3. Коллективизация и раскулачивание в Ингерманландии (начало 1930-х гг.)

Относительно спокойное течение жизни в Ингерманландии прервалось в конце 1920-х гг., когда советским руководством был взят курс на свертывание НЭПа и коллективизацию сельского хозяйства. И.В. Сталин в своей речи «К вопросам аграрной политики в СССР», произнесенной 27 декабря 1929 г. на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, провозгласил развертывание массовой коллективизации и «ликвидацию кулачества как класса».¹⁸³ Выступая на конференции, Сталин отмечал: «Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производством производством колхозов и совхозов... Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов».¹⁸⁴ Эти сталинские положения вошли в принятое ЦК ВКП (б) 5 января 1930 г. постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государственному колхозному строительству», декларировавшее переход «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса».¹⁸⁵

Еще в ноябре 1929 г. Политбюро ЦК образовало комиссию под председательством В.М. Молотова для подготовки мероприятий по раскулачиванию.¹⁸⁶ 30 января 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором предлагалось провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции

¹⁸³ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. М., 1989. С. 295—297.

¹⁸⁴ Цит. по: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 66.

¹⁸⁵ Трагедия советский деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. М., 2000. С. 85.

¹⁸⁶ Baberowski J. Stalinismus «von oben». Kulakendeportationen in der Sowjetunion 1929—1933 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1998. Bd. 46. Heft 4. S. 576.

и семенных запасов.¹⁸⁷ Согласно одному из пунктов постановления, кулаков предполагалось разделить на три категории, из которых следовало «а) первую категорию — контрреволюционный актив, организаторов террористических актов и восстаний — заключать в концлагеря, не останавливаясь в отдельных случаях перед применением высшей меры наказания — расстрела; б) вторую категорию — остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков — выселять в отдаленные местности СССР или отдаленные районы данной области (края, республики); в) третью категорию — большинство кулацких хозяйств — расселять в пределах района на новых, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях».¹⁸⁸ Наконец, 1 февраля вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», второй пункт которого гласил: «Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)».¹⁸⁹

Для ингерманландского населения, остававшегося в подавляющем большинстве сельским, новый курс имел роковые последствия. Еще в феврале 1928 г. на упоминавшемся выше заседании президиума Ленинградского окружного исполкома было решено предложить окружному земельному управлению «принять меры ограничения выделения на хутора и дробности крестьянских хозяйств..., проводя землеустройство в соответствии с имеющимися на этот счет директивами правительства, добиваясь большего распространения коллективных форм землепользования и интенсификации сельского хозяйства».¹⁹⁰ Финские крестьяне не проявляли большой охоты к созданию колхозов. Первый финский колхоз местные комсомольцы основали весной 1929 г. в деревне Мертуть (Меритуйту) прихода Белоост-

¹⁸⁷ Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 23.

¹⁸⁸ Цит.по: Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 68.

¹⁸⁹ Собрание законов рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. 1930. № 9. С. 105.

¹⁹⁰ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2580. Л. 152 об.

ров.¹⁹¹ Еще один колхоз, возникший около Всеволожска, был образован финскими коммунистами — эмигрантами из Канады.¹⁹² Однако широкого распространения колхозное движение в Ингрии, как и в целом в Ленинградской области, не получило. На 1 января 1930 г. в Ленинградской области в колхозы было объединено 5,8 % крестьянства.¹⁹³ И в дальнейшем уровень коллективизации в Ленинградской области был одним из самых низких по стране. Активное сопротивление политике коллективизации в Ингрии было редкостью. Органы ОГПУ в июле-октябре 1929 г. зафиксировали в Ленинградской области 44 антисоветских проявления в деревне (из них два убийства).¹⁹⁴ Согласно статистическим сводкам, в Ленинградской области лишь против 10 процентов колхозов были совершены насильственные действия в той или иной форме, причем в основном не более одного раза¹⁹⁵ — значительно меньше, чем во многих других краях и областях. В частности, на заседании Парголовского райисполкома в конце января 1930 г. в выступлениях большинства представителей с мест отмечалось, что в их сельсоветах кулацких выступлений против колхозов не было, лишь в Мурино один кулак-лишенец высказывал недовольство принципами налогообложения и говорил, что «лишенные избирательных прав труженики, на которых держится Советская власть, сейчас выбрасываются за борт».¹⁹⁶ В информационной сводке Леноблисполкома от 7 февраля о кулацких выступлениях против коллективизации приводились примеры, относившиеся главным образом к Лужскому и Псковскому округам, в собственно Ленинградском округе подобные выступления были единичными: «В Красногвардейском¹⁹⁷ районе на одном из собраний представителя района силой вывели с собрания, в деревне Озертицы

¹⁹¹ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 72.

¹⁹² Gelb M. Op. cit. P. 239.

¹⁹³ Suni L. Inkeriläisen talonpoikaisluokan hävittämisen alkusoitto vuonna 1930 // Inkeri: Historia, kansa, kulttuuri. S. 305. Эстонцы вступали в колхозы и совхозы более активно, чем финны, так как среди них было немало бывших батраков (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 39).

¹⁹⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 743.

¹⁹⁵ Документы свидетельствуют. С. 491.

¹⁹⁶ ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 72. Л. 104.

¹⁹⁷ Бывшем Троцком. Красногвардейск — название Гатчины в 1929—1944 гг.

Волосовского района, с большинством населения евангелистов, члена партии, проводившего собрание, чуть ли не на руках вынесли из избы и прогнали; в деревне Орлово Ленинградского района кулаки сорвали собрание по переводу мелиоративного т-ва в колхоз».¹⁹⁸ Но и пассивное сопротивление колхозам власти не собирались терпеть.

Выше уже говорилось о том, что бедняцкая прослойка среди ингерманландских крестьян была относительно невелика, в то же время было немало крепких хозяев-единоличников, хотя и настоящих богачей насчитывалось немного. В постановлении, принятом на совещании актива национальных меньшинств Ленинградского округа 21 декабря 1929 г., было записано: «В период реконструкции сельского хозяйства на коллективных началах и усиленного наступления на кулацкие элементы классовая борьба в среде национальных меньшинств приобретает зачастую особо острый характер. Распространенный среди ряда национальностей округа хуторской тип хозяйства (эстонцы, финны), а отсюда — значительность зажиточно-кулацкой части, верхушки, ведущей усиленное сопротивление мероприятиям Советской власти, относительно сильное влияние духовенства, а также ряд других культурно-бытовых и экономических особенностей диктует необходимость особенно четкого и последовательного проведения классовой линии в нацменьской работе».¹⁹⁹ В целом, по расчетам, относящимся к середине 1920-х гг., на территории тогдашней Ленинградской губернии среди крестьянских хозяйств насчитывалось свыше 1/3 бедняцких, около 2/3 середняцких и не более 1–2 % крупных или «кулацких». При этом среди середняцких хозяйств большинство составляли мелкие, владевшие одной лошадей и посевной площадью до двух десятин.²⁰⁰ Социальная ситуация в деревне мало чем отличалась от положения, существовавшего в предреволюционный период. Так что массовый характер репрессий в деревне в начале 1930-х гг. был совершенно неадекватным реальному положению дел. Раскулачивания и высылки затронули гораздо более

¹⁹⁸ Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг.). Л., 1970. С. 162.

¹⁹⁹ ЛОГАВ Ф. р-407. Оп. 1. Д. 60. Л. 59.

²⁰⁰ Климин И.И. Крестьянское хозяйство Ленинградской губернии в середине 20-х годов // Социально-экономические и политические проблемы истории крестьянства Северо-Запада РСФСР IX–XX вв. Тезисы выступлений. Новгород, 1991. С. 93–94.

широкие слои сельского населения, чем те, которые действительно можно считать зажиточными. Термин «кулак» во многих регионах страны толковался весьма расширительно, и Ингрия в этом плане не была исключением: здесь достаточно было иметь в хозяйстве больше двух коров, чтобы попасть в «кулаки» со всеми вытекающими последствиями.²⁰¹ К тому же в кулацкие почти автоматически записывали хозяйства, которые сдавали часть своей земли в аренду. Однако занимались этим в основном не зажиточные крестьяне, а бедняки, которые не могли обрабатывать свои участки целиком либо из-за отсутствия рабочего скота и инвентаря, либо из-за нехватки рабочих рук.²⁰²

Декабрьский пленум 1929 г. Ленинградского обкома ВКП (б) поставил задачу коллективизировать к концу 1930 г. 20 % крестьянских хозяйств области. Однако Колхозцентр в феврале 1930 г. дал директивное предписание об увеличении контрольной цифры коллективизации в Ленобласти до 45 %. В результате, как было признано в одном из изданий о коллективизации на Северо-Западе, «на местах были допущены “левацкие” перегибы, которые привели к неоправданной гонке темпов коллективизации».²⁰³ Коллективизация шла в области быстрыми темпами: на 1 февраля было коллективизировано 5069 хозяйств, на 10 февраля — 11 639, а на 1 марта — уже 28 285 (вместо намеченных по плану 21 877), что составило 22,7 % от общего числа хозяйств (всего по области насчитывалось 124 400 крестьянских хозяйств).²⁰⁴ Количество колхозов в области выросло с 149 на 20 января до 556 на 1 марта.²⁰⁵

Наряду с коллективизацией в Ингрии, как и по всей области и всей стране, начались аресты «кулаков» и конфискации их имущества. Всего по области намечалось раскулачить и выселить около 10 тысяч хозяйств — 2,3 % от всех хозяйств области, а в пограничных районах — 4 %. Ориентировочно предполагалось выселить 2014 хозяйств за пределы Ленинградской области, 4644 хозяйств переселить внутри области из округа в округ и

²⁰¹ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

²⁰² Иванов В.А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 12.

²⁰³ Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе. С. 406.

²⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 9. Д. 111. Л. 13 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 14 об.

3365 — внутри округов.²⁰⁶ 11 февраля президиум Ленинградского облисполкома разослал всем окружным исполкомам области секретное распоряжение «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».²⁰⁷ Руководствуясь этим распоряжением, исполком Ленинградского окружного Совета составил и 15 февраля разослал районным исполкомам секретный циркуляр, которым он обязал их «приступить к составлению оперативного плана проведения мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации Округа». В число семи районов сплошной коллективизации в Ленинградском округе попал Куйвозовский район, а также несколько других районов, где проживало значительное число этнических финнов. Районные исполкомы должны были составить списки всех кулацких хозяйств и затем на основе решений бедняцких и колхозных собраний выносить постановления «о лишении кулацких хозяйств земли, конфискации имущества и высылке за пределы района, округа и области». Для проведения мероприятий в жизнь на местах создавались «тройки» в составе председателя райисполкома, секретаря местной партийной организации и представителя ГПУ.²⁰⁸ Всего по округу из районов сплошной коллективизации следовало выселить 2597 хозяйств из 72 356.²⁰⁹

Первые заседания «троек» в ингерманландских местностях начались сразу после получения циркуляра. Например, на заседании парголовской районной «тройки» 18 февраля было принято решение о раскулачивании и выселении 88 хозяйств и о подготовке материалов еще на 11 семей. Из подлежащих высылке «кулаков» 40 хозяев были финны-ингерманландцы из деревень Юкки, Порошкино (Пороскюля), Мертузь (Меритуйту), Лупполово, Кавголово, Мистолово и некоторых других, один, по всей видимости, эстонец, остальные — русские и немцы из Ручьев, Гражданки, Парголово и Мурино.²¹⁰ На следующий день на заседании представителей окружных исполкомов Николаев

²⁰⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 128. Л. 181.

²⁰⁷ Там же. Л. 48–50.

²⁰⁸ ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 3. Д. 4. Л. 119–122.

²⁰⁹ В том числе из Куйвозовского района — 172 хозяйства, из Кингисеппского — 124, Урицкого — 288, Котельского — 236, Ораниенбаумского — 312, Парголовского — 205, Волосовского — 129 (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 128. Л. 93).

²¹⁰ ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 3. Д. 4. Л. 128–128 об.

из Ленинградского округа сообщал о 140 постановлениях сельских сходов и собраний колхозников и бедноты, при этом, по его словам, «нет ни одного постановления, где бы говорилось — выселить в пределах округа, только за пределы района, везде говорится — за пределы области».²¹¹

Многие семьи, квалифицированные как кулацкие или зажиточные, облагались непомерно высокими налогами, которые они не были в состоянии заплатить, и тогда у них конфисковывали все или почти все имущество. Один из крестьян из прихода Колтуши, бежавший в Финляндию, свидетельствовал: «Собственность [нашей] семьи состояла... из 6 га земли, трех коров, одной лошади, трех свиней и овцы. Коров забрали еще до Рождества, так как семья не смогла уплатить неслыханно тяжелый налог — 2600 рублей, который мы должны были внести осенью. После Рождества нам нужно было уплатить 30 % от этой суммы... Поскольку и эту сумму мы не были в состоянии выплатить, у нас конфисковали все оставшееся имущество: скот, строения, сельскохозяйственные орудия, домашнюю утварь и всю лучшую одежду».²¹² У другого крестьянина по фамилии Юхола, не желавшего вступать в колхоз, еще в 1929 г. из его надела в шесть гектар были конфискованы в пользу колхоза три гектара лучшей земли. На следующий год Юхоле начислили «кулацкий» налог величиной в тысячу рублей. Так как он не смог его выплатить, у него конфисковали двух коров, 40 пудов сена, два хозяйственных строения и две телеги. После того, как Юхола не смог уплатить новый кулацкий налог, у него были конфискованы лошадь, последняя корова, картофель, жилая постройка. В 1931 г. Юхола вместе с другими «кулаками» отправился в «телячьем вагоне» в Сибирь, в район Енисейска.²¹³ Бывший житель Всеволожского района Ю. Куокканен, уехавший в мае 1931 г. в Финляндию, рассказывал: «Мой земельный участок в 8 га у меня отобрали весной 1930 г. У меня были две коровы и телка, от которых я должен был сдавать государству 400 литров молока с каждой головы в год. Я не мог выполнить это задание, так как коровы дали мало молока, а телка не дала совсем, за что на меня наложили штраф в 300 рублей. Кроме того, меня обложили налогом в 1060 рублей как кулака. Я обжаловал это решение через финское консульство в Москву, налог

²¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 128. Л. 72 об.

²¹² Цит. по: Gummerus H. Op. cit. S. 34.

²¹³ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 72–75.

снизили до 78 рублей, но так называемый кулацкий налог я должен был выплатить в местный Совет до принятия решения по моей жалобе в Москве. Несмотря на то, что налог мне снизили, Совет не вернул мне деньги. Кроме того, я должен был уплачивать в Совет разные мелкие налоги по так называемому самообложению и налог на просвещение».²¹⁴

Некоторые из зажиточных крестьян, стремясь избежать раскулачивания, начали образовывать собственные объединения, но это, как правило, не спасало их: посланные в деревню двадцатипятидесятники распускали выявленные ими «кулацкие» кооперативы и распределяли конфискованное у них имущество среди настоящих колхозов.²¹⁵ Стоимость конфискованного у «кулаков» и переданного в колхозы движимого и недвижимого имущества на территории Ленинградской области к июню 1930 г. составила в общей сложности 1 690 000 рублей (значительно больше, чем в соседней Карелии, где соответствующая сумма равнялась лишь 11 тысячам рублей). 18,7 % собственности колхозов Ленинградской области составляло реквизированное имущество (в карельских колхозах в то же время — 2,6 %).²¹⁶ Нередко местные «тройки» и бедняцкий актив проявляли излишнее рвение, принимая решения помимо общих собраний колхозников, выселяя не подлежавшие раскулачиванию семьи середняков и бедняков, бывших красных партизан, красноармейцев, сельской интеллигенции. Следует заметить, впрочем, что в районах области, населенных национальными меньшинствами, попытки властей опереться на бедняцкие слои деревни при наступлении на ее зажиточную часть нередко терпели неудачу: здесь население оказывалось более сплоченным, жители деревень, вместо того, чтобы грабить и изгонять своих односельчан, наоборот, зачастую брали их под защиту. К примеру, в деревне Келози Красногвардейского (Гатчинского) района беднота сорвала общее собрание крестьян, на котором должны были приниматься решения о раскулачивании, заявив представителям районного исполкома и местным активистам, что кулаков у них нет.²¹⁷

В марте 1930 г. центральные власти, осознав пагубность «перегибов», решили скорректировать темпы коллективизации. После публикации известного письма И.В. Сталина «Голово-

²¹⁴ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 25. Л. 28–28 об.

²¹⁵ Gelb M. Op. cit. P. 239.

²¹⁶ Suni L. Op. cit. S. 303.

²¹⁷ Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 22.

кружение от успехов» ЦК ВКП (б) принял закрытое постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Руководствуясь этим постановлением, Ленинградский областной исполком 24 марта направил окружным и районным исполкомам циркуляр о порядке проведения раскулачивания и о ликвидации перегибов, в котором, в частности, отмечалось, что «вся практика по раскулачиванию ни в коем случае не должна коснуться хозяйств середняков, бедняков, бывших красных партизан, членов семей рядового и командного состава Красной Армии и Флота, сельской интеллигенции (сельские учителя и учительницы, агрономы)».²¹⁸ Отмечалось, что «во всех сельскохозяйственных артелях... мелкий скот, домашняя птица, одна корова и приусадебные земли (сад, огород), не имеющие товарного значения, подлежат возвращению в единоличное пользование».²¹⁹ Вслед за этим Ленинградский окружной исполком вынужден был своим циркуляром от 30 марта предложить пересмотреть списки раскулаченных и выселенных и указать, что раскулаченные и выселенные в результате «перегибов» должны быть возвращены обратно и им должно быть отдано конфискованное имущество.²²⁰ 21 апреля Леноблисполком направил председателям окружных исполкомов указание немедленно пересмотреть списки лиц, лишенных избирательных прав, причем отмечалась необходимость «обратить особое внимание на устранение перегибов, допущенных в отношении нацменьшинств».²²¹ В это же время начался массовый отток крестьян из колхозов, который был приостановлен лишь к середине лета.²²² К осени 1930 г.

²¹⁸ Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе. С. 170.

²¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 9. Д. 111. Л. 83.

²²⁰ ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 3. Д. 4. Л. 272.

²²¹ ЦГА СПб. Ф. 203. Оп. 2. Д. 40. Л. 60, 61.

²²² Авторы многих заявлений о выходе из колхоза указывали, что их вступление в члены колхоза не было добровольным. К примеру, в заявлении одной семьи из Молосковицкого района в конце марта 1930 г. говорится: «Просим нас... исключить... из числа членов колхоза... ввиду того, что мы в колхоз шли не добровольно, а потому что приходившая к нам бригада гор. Ленинграда определенно нам говорила, что все те, кто не запишется в колхоз, будут выселяться на самую плохую землю и с кооперации получать ничего не будут (Там же. Ф. 7179. Оп. 9. Д. 110. Л. 23).

уровень коллективизации в Ленинградской области закрепился на цифре 6 %.²²³

В прибрежных районах Сойкинского и Курголовского полуостровов, населенных преимущественно ижорскими рыбаками, колхозное строительство имело свою специфику. Хозяйства, объединявшиеся в рыболовецкие колхозы, получали определенные привилегии: члены колхоза обеспечивались сетями для ловли рыбы за счет государства, им оставлялось 1,5 килограммов рыбы от дневного улова, а единоличникам — только 800 грамм, а за остальную часть улова, сдаваемого государству, колхозники получали по восемь рублей за пуд, единоличники — вдвое меньше, остальная половина шла в счет налогов, страхования и других сборов. Практиковалась и такая мера — при обмене пропусков на выход в море лицам, считавшимся ненадежными, новые пропуска не выдавались.²²⁴

В 1930–1931 гг. по всей стране шли высылки «кулаков» в отдаленные районы Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. 18 марта 1930 г. было принято постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», в котором предписывалось «признать необходимым при проведении спецколонизации максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах», а «в сельском хозяйстве использовать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах».²²⁵ Порядок расселения высланных был определен постановлением коллегии Народного Комиссариата Земледелия РСФСР «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации» от 1 апреля 1930 г. В постановлении предписывалось создавать для проживания высланных «кулаков» поселки в 20–100 дворов, которые должны были находиться вне района сплошной коллективизации, в удалении от пограничной полосы и «по возможности далеко от расположения железных дорог, шоссе и водных путей»; при отводе сельскохозяйственных угодий для поселков

²²³ Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе. С. 406.

²²⁴ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 83–84.

²²⁵ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 1. Л. 1.

с кулацкими хозяйствами указывалось на необходимость учесть, «что земли должны быть худшего качества».²²⁶

Публикация «Головокружения от успехов» не положила конец наступлению на кулака. В цитированном выше циркуляре Ленинградского обкома от 24 марта 1930 г. отмечалось, что поскольку кулаки могут использовать признание допущенных ошибок и кампанию по исправлению перегибов для выступлений против колхозов, необходимо продолжение борьбы против кулачества, «а в районах сплошной коллективизации — еще более решительная ликвидация кулачества как класса».²²⁷ В директивном письме районным прокурорам и народным судьям Ленинградской области от 27 сентября 1930 г. за подписью прокурора области Кондратьева власти на местах подверглись критике за то, что из-за боязни перегибов «борьба с кулачеством в большинстве районов недопустимо ослаблена», письмо подчеркивало, что «классовая борьба в деревне не только не утихает, но наоборот, разгорается и будет разгораться» и что «кулак должен почувствовать твердую руку пролетарской диктатуры».²²⁸ После появления сталинской статьи сослать стали несколько меньше, однако с начала следующего года кампания по выселению «кулаков» возобновилась с особой интенсивностью. 1 февраля 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства».²²⁹ 15 марта появился меморандум НКВД за подписью Г.Г. Ягоды, в котором было записано: «В целях полной очистки от кулаков, с мая по сентябрь 1931 г. намечено провести массовую операцию по кулачеству с высылкой в отдаленные местности Союза со всех областей». Для осуществления намеченной «массовой операции» краевым и областным властям предлагалось «установить количество кулацких хозяйств края..., подлежащих высылке», выявить кулаков, проникших в колхозы, бежавших в города и устроившихся на работу в промышленности, не позднее 10 апреля представить количество кулацких семей, подлежащих высылке и план проведения операции.²³⁰ Всего по стра-

²²⁶ Документы свидетельствуют. С. 382.

²²⁷ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 9. Д. 111. Л. 83.

²²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 128. Л. 294–295.

²²⁹ Известия. 1931. 2 февраля.

²³⁰ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 3. Л. 2–3.

не в 1930–1931 гг. депортации подверглись 356 544 семей или 1 679 528 человек, из них 551 330 человек (113 013 семей) в 1930 г. и 1 128 198 человек (243 531 семья) — в 1931 г.²³¹

Из Ленинградской области в 1930–1931 гг. были депортированы в общей сложности 8604 «кулацкие» семьи, из них 5344 — на Кольский полуостров, 337 — на Урал, 1269 — в Западную Сибирь, 929 — в Восточную Сибирь и 725 — в Якутию.²³² Данные о национальном составе высланных не имеется, но совершенно очевидно то, что среди них было много ингерманландцев. Член Карельского академического общества Р. Кастрен, выступая на собрании в Выборге 12 апреля 1931 г., приводил данные о высылке 350 ингерманландских семей в период с зимы указанного года.²³³ Ингерманландский комитет располагал сведениями о том, что из примерно 59 500 тысяч финнов — жителей восьми приходов — Белоостров, Лемболово, Вуоле-Никулясы, Токсово, Колтуши, Рябово, Венйоки (Славянка) и Дудергоф — к маю 1931 г. было выслано почти 8 тысяч человек.²³⁴ В августе 1935 г. «Ингерманландским союзом» был обнародован «Доклад о происшедших в последние времена в Ингрии выселках и других актах угнетения финского населения», согласно которому, из Ленинградской области в течение 1929–1931 гг. было выселено всего около 4320 финских семей, или примерно 18 тысяч человек.²³⁵ Если эти данные верны, из этого следует, что ингерманландцы составили около половины всех высланных.

Очевидец вспоминал о том, как осуществлялись депортации: «...толпы людей из близлежащих финских деревень были собраны на железнодорожной станции Мельничный Ручей. Среди них было несколько 85-летних стариков, тут же грудные дети и больные. Людей погружали в товарные вагоны, примерно по 40 человек в каждый. На станции собралось много народа из соседних деревень, чтобы попрощаться... Всего было загружено шесть вагонов. Вагоны отвезли на станцию Обухово, куда таким же образом перевозили людей из других частей Ингрии. Всего там было собрано 70 вагонов, которые затем отправили

²³¹ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 59.

²³² Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 193.

²³³ Castren R. Tilanne Karjalassa ja Inkerissä // Karjalan ja Inkerin häätä. Helsinki, 1931. S. 16.

²³⁴ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.

²³⁵ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 77.

дальше в Сибирь».²³⁶ По прибытии на спецпоселение сотрудники органов ОГПУНКВД нередко проводили сортировку выселенных «кулаков». Некоторые освобождались, другие отправлялись в лагеря ГУЛАГа, большинство же оставались на спецпоселении. В местах своего принудительного поселения сосланные «кулаки» оказывались в крайне тяжелом положении: жить им приходилось в плохо отапливаемых бараках, в палатках или землянках, между тем поселены они были почти исключительно в районах с крайне суровым климатом. Нередко людей высаживали и оставляли в пустынной местности, в чистом поле, и им самим приходилось строить себе землянки и дома; у тех, кто не догадался захватить с собой лопаты, топоры и пилы, шансы выжить, особенно в холодное время года, были равны нулю. Трудились спецпереселенцы, как правило, на тяжелых работах, получая при этом крайне скудный продовольственный паек. Вполне естественно, что уровень заболеваемости и смертности среди спецпереселенцев был очень высок. Статистика свидетельствует, что за 1932 г. в местах «кулацкой ссылки» людей умерло в пять раз меньше, чем родилось.²³⁷ Один из ингерманландцев, сосланных в Сибирь, писал в письме на родину: «Сначала нас поместили в недостроенный барак, где крыша не была доделана, не было оконных стекол и рам. Между тем мороз доходил до 20 градусов, дул пронизывающий ветер. Спали мы на двухъярусных нарах и на полу... Из-за плохого питания люди так ослабели, что никто не мог как следует работать. Однако кому-то из членов семьи надо было все время ходить на работу, иначе остальные оставались бы вовсе без продовольствия... Много людей умерло от голода и истощения. Детей хоронили десятками каждый день».²³⁸ Другой ингерманландец в письме из Красноярского края рассказывал об условиях, в которые попали он и другие ссыльные: 600 с лишним человек жили в тесном бараке без окон. «На полу, вдоль стен все пространство заполнено спящими людьми, и со всех сторон слышны душе-раздирающие стенания... В четыре часа утра входит охранник,

²³⁶ Цит. по: Gummerus H. Op. cit. S. 35.

²³⁷ По различным регионам, впрочем, этот показатель был очень неоднороден. Если в Северо-Казахстанской области смертность превышала рождаемость в 14,5 раз, то на Дальнем Востоке — в 1,7 раза (Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 10).

²³⁸ Цит. по: Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 76.

стучит прикладом об пол и кричит: на работу! Он раздражается угрозами и выкрикивает какое-то русское ругательство. Рабочий день длился раньше 16 часов, теперь он сокращен... Командант выглядит порядочным парнем с человеческими манерами. Трудно сказать, что нас еще ждет впереди. Нас продали предприятию по добыче золота, и когда на Енисее сойдет лед, нас собираются отправить на золотые прииски».²³⁹

В конце концов, власти были вынуждены признать, что положение, в котором оказались спецпереселенцы, нельзя считать удовлетворительным. В циркуляре отдела спецпоселений НКВД от 18 июля 1931 г. констатировалось, что «имеющиеся материалы о положении спецпереселенцев характеризуют тяжелые условия жизни и работы, в особенности контингентов, расселенных в 1930 и в начале 1931 годов; существующие ненормальности свидетельствуют о невнимательном отношении хозорганов к вопросам устройства и обслуживания спецпереселенцев...». В частности, отмечалось в циркуляре, «1. в большинстве договоров с промышленными предприятиями и сельхозорганизациями не заключены, имеющиеся договора в достаточной мере не обеспечивают их жилищное и бытовое устройство, лечебную помощь, культурное обслуживание, снабжение продовольствием... 3. для подростков, нетрудоспособных, беременных женщин зачастую устанавливаются одинаковые нормы со здоровыми мужчинами, в некоторых местах нормы для спецпереселенцев увеличивались вдвое по сравнению с вольнонаемными рабочими... 6. земфонды под огородные и другие культуры в большинстве не выделены... 7. жилищные условия спецпереселенцев крайне тяжелы и неудовлетворительны, в качестве постоянных жилищ существуют бараки, в которых живут семьи при исключительной скученности..., ютятся с детьми в шалашах и всяких иных примитивных помещениях без окон, печей... 8. При таких тяжелых жилищных условиях к тому же отсутствуют санитарные мероприятия, бани не везде оборудованы, медпомощь недостаточна». Циркуляр предписывал «в короткий срок устранить указанные выше основные дефекты».²⁴⁰ Еще ранее, 20 мая, появился меморандум за подписью Г.Г. Ягоды, в котором было записано, что «детей выселяемых кулаков до 10-летнего возраста и стариков старше 65 лет разрешается оставлять родственникам и знакомым, изъявившим желание их

²³⁹ Цит. по: Gummerus H. *Op. cit.* S. 35.

²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 3. Л. 83.

содержать».²⁴¹ Эти решения, впрочем, были продиктованы отнюдь не филантропическими, а практическими соображениями: для освоения отдаленных районов Севера, Урала и Сибири требовались трудоспособные и здоровые люди, больные и иждивенцы не были там нужны.

До середины весны 1931 г. раскулаченных из Ленинградской области выслали преимущественно в Сибирь. При планировании дальнейших высылкок специальная комиссия под председательством А.А. Андреева 15 мая 1931 г. приняла решение о выселении четырех тысяч семей из Ленинградской области в Казахстан. Однако Ф.И. Медведь, полномочный представитель ОГПУ в Ленинградской области, 18 мая обратился к своему руководству с просьбой разместить выселяемые семьи, «исходя из хозяйственных соображений», внутри области и отправить их на Кольский полуостров — на апатитовые разработки в Хибин и на предприятие Нивстрой (Кольский полуостров тогда еще входил в состав Ленинградской области) — и на торфоразработки в районе Синявино, так как удовлетворить потребность в рабочей силе на этих объектах за счет найма свободной рабочей силы было невозможно «ввиду отдаленности и природной дикости Хибин и Нивстройка и тяжелых условий работы на торфоразработках».²⁴² Эта просьба была удовлетворена: 30 мая комиссия А.А. Андреева по вопросу «о внутреннем переселении в Ленинградской области кулацких семей из южных и западных районов в северные районы области» постановила отменить решение о переселении из Ленинградской области в Казахстан и «разрешить Ленинградской области в период июня месяца произвести внутреннее переселение 4000 кулацких семей в северные районы для хозяйственного использования их на Нивстрое и Хибинских апатитовых разработках».²⁴³ В дальнейшем выселения «кулаков» в Ленинградской области были преимущественно внутриобластными: с начала июня до середины сентября 1931 г. внутри области (то есть, преимущественно на Кольский полуостров) был переселен 17 651 человек (3500 семей).²⁴⁴ Всего

²⁴¹ Цит.по: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы. С. 14.

²⁴² РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 151.

²⁴³ Там же. Л. 148.

²⁴⁴ Там же. Л. 176–177. В предыдущем году в Мурманский округ из других районов Ленобласти было отправлено 2554 человека (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 128. Л. 181). С начала января до начала мая 1931 г. из 4118 семей, раскулаченных в Ленобласти и Карелии, вну-

из 8604 «кулацких» семей, депортированных из Ленобласти в 1930–1931 гг., 5344 были вывезены на Кольский полуостров.²⁴⁵

Значительная часть высланных ингерманландских «кулаков» оказалась, таким образом, на Кольском полуострове. Согласно сведениям всесоюзных переписей населения, финское население Мурманского округа / Мурманской области увеличилось с 1697 человек в 1926 г. до 4317 в 1939 г.²⁴⁶ Есть все основания полагать, что этот прирост примерно в 2600 человек был достигнут именно за счет высланных из Ленинградской области ингерманландцев, так как финские эмигранты из Финляндии и Северной Америки, прибывавшие в этот период в Советский Союз, селились почти исключительно в Карелии. Число ингерманландцев, высланных на Кольский полуостров, было, скорее всего, еще более значительным, если принять во внимание высокий уровень смертности среди спецпереселенцев и то обстоятельство, что часть детей была после 1931 г. возвращена на родину. Ссылных ингерманландцев поселили главным образом в районе недавно основанного города Хибингорска (с декабря 1934 г. — Кировск). Финнов здесь было так много, что в городе даже действовала семилетняя финская школа специально для детей сосланных ингерманландцев.²⁴⁷ Население трудпоселков было многонациональным, помимо финнов, здесь жили русские, эстонцы, немцы, представители других национальностей.²⁴⁸ Высланные трудились на комбинате «Апатит» и других промышленных предприятиях. Бывшие крестьяне, таким образом, превращались в пролетариев. С мая 1934 г. начала получать распространение практика восстановления трудпоселенцев (так теперь стали называть спецпереселенцев) в избирательных правах. Окончательно все бывшие кулаки были восстановлены в правах постановлением ЦИК

три области были переселены 858 семей (4290 человек) (РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 86).

²⁴⁵ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 59 об.; Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 193.

²⁴⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1. С. 124; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. С. 66.

²⁴⁷ Карху Э.Г. Указ. соч. С. 210.

²⁴⁸ По данным на 1 апреля 1939 г., на территории Мурманской области находилось шесть трудпоселков, в которых проживали в общей сложности 7255 семей, или 24 144 человека (ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. 32. Д. 25. Л. 44).

Ссылные ингерманландцы в Хибинах. 1932 г.

СССР от 25 января 1935 г.²⁴⁹ Это, однако, не означало, что трудпоселенцы получали право свободного передвижения и могли теперь вернуться на родину (а многие интерпретировали постановления именно в этом смысле). Меморандум НКВД от 28 января 1935 требовал «разъяснить трудпоселенцам, что они после восстановления в правах пользуются всеми гражданскими правами (в том числе и правом выборов в Советы), за исключением права выезда с мест поселения».²⁵⁰

Рубеж 1920-х — 1930-х гг. был также отмечен началом гонений против финской лютеранской церкви в Ингрии. «Культурная революция», провозглашенная на рубеже десятилетий одновременно с коллективизацией, знаменовала собой новое наступление на религию. На этот раз удар был направлен против всех конфессий, включая лютеранство. Лютеранская церковь даже обращала на себя особое внимание властей как церковь, наиболее организованная и многочисленная среди христианских церквей в России после православной. Мысли о необходимости усилить давление на церковь местные власти Ленинградского округа начали высказывать еще в конце 1920-х. В частности, на совещании председателей районных исполкомов в декабре 1928 г. предлагалось обратить внимание на то, чтобы в лютеранских кирхах несовершеннолетним не преподавался закон божий, виновных в нарушении запрета привлекать

²⁴⁹ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы. С. 14.

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 28. Л. 1.

к административно-судебной ответственности.²⁵¹ На совещании районных уполномоченных среди национальных меньшинств и председателей национальных сельсоветов в июле 1929 г. было принято решение изъять сельские кладбища из ведения церковных двадцаток и приходских советов и передать в ведение соответствующих сельсоветов.²⁵² В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. о религиозных организациях последние могли проводить молитвенные собрания, пользоваться определенным церковным имуществом (которое, впрочем, считалось национализированным), назначать церковных служителей, однако им запрещалось иметь кассы взаимопомощи, содержать дома для престарелых, открывать библиотеки, библейские, литературные и прочие общества и кружки, быть членом общины разрешалось только с 18 лет. Общие собрания религиозных общин могли проводиться лишь с разрешения представителей исполнительной власти.²⁵³ 1 декабря того же года в Ленинграде в Выборгском доме культуры открылся съезд воинствующих безбожников, на котором были озвучены намерения массового закрытия храмов, запрещения рождественских елок и елочных украшений.²⁵⁴ Тогда же начались первые гонения и аресты, в том числе и против служителей лютеранской церкви. Так, в декабре был арестован пастор церкви Петра и Павла (Петри-кирхе) на Невском проспекте.²⁵⁵ В 1929–1930 гг. в городе стали закрываться церкви, в частности, перестала действовать церковь эстонского прихода Св. Иоанна,²⁵⁶ были закрыты несколько православных храмов, католическая церковь Св. Марии на 1-й Красноармейской улице.

Тогда же была предпринята и первая попытка закрыть финскую церковь и приход Св. Марии в Ленинграде. В начале января 1929 г. в церковь неожиданно явилась техническая инспекция, члены которой заявили, что они собираются возвести

²⁵¹ ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

²⁵² Там же. Л. 48.

²⁵³ Казьмина О.Е., Шлыгина Н.В. Указ. соч. С. 112.

²⁵⁴ Ленинградская правда. 1929. 2 декабря.

²⁵⁵ Битнер А. «Смотрите, я жив» // Церковь Ингрии. 2001. № 4 (40). С. 11.

²⁵⁶ Богослужения для эстонцев после этого периодически проводились в помещении церкви латышского лютеранского прихода на Загородном пр., службы на эстонском языке вели С.Я. Лаурика и А. Яатинен.

перегородки внутри церковного здания, которое в ближайшее время будет превращено в зал собраний расположенной поблизости финской трудовой школы. Это заявление было несколько поспешным, так как для закрытия церкви требовалось разрешение местных властей, которого у антирелигиозных активистов не имелось. Более того, члены церковного прихода незадолго до того заключили письменное соглашение с местным Советом об использовании здания церкви в целях богослужения. После обследования помещения церкви инженеры, входившие в состав комиссии, заявили, что здание не годится для школы, так как внутри него слишком темно. Позднее глава регистрационного бюро религиозных объединений Шляпин даже прислал прихожанам церкви Св. Марии успокоительное письмо, в котором он записал, что церковь остается за ними.²⁵⁷

Финские коммунистические активисты, однако, не отказались от планов закрытия церкви. В соответствии с обычной советской практикой, они постарались изобразить дело так, будто эта акция была инициирована «снизу». Резолюции с требованием закрыть церковь Св. Марии и передать ее помещение «на культурные нужды» принимались в апреле 1929 г. на собраниях рабочих-финнов Финляндского участка Октябрьской железной дороги, Финского дома политического просвещения, курсантов и служащих Финского педагогического техникума. В этих резолюциях говорилось, что церковь Св. Марии, находящаяся в одном дворе с финской трудовой школой, мешает ее работе, что ее посещают лишь 200–300 финнов-горожан, в основном владельцы частных предприятий и другие «бывшие люди», абсолютное большинство финского населения Ленинграда в церкви не нуждается, финское духовенство и прихожане церкви обвинялись в контрреволюционной агитации.²⁵⁸ 5 мая в городе был проведен антирелигиозный митинг финнов, на котором присутствовало около тысячи человек. На митинге утверждалось, что «церковь содержит средства на средства, собранные кулаками и попами из деревень, так что трудящиеся крестьяне... должны трудовые копейки тратить на содержание городской церкви, которые им необходимы для поднятия сельского хозяйства», рабочие, служащие и учащаяся молодежь церковь не посещают и не нуждаются в ней, а церковная двадцатка якобы спекулиру-

²⁵⁷ Myllyniemi V. Characteristics of Anti-Religious Activities among the Finns of Leningrad, 1928–1931 // Россия и Финляндия в XX веке. С. 282.

²⁵⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 177. Л. 5, 6, 25.

ет зданием церкви, сдавая ее в аренду другим религиозным организациям. Митинг постановил «просить Ленинградский Совет финскую евангелическо-лютеранскую церковь закрыть и передать финскому домпросвету на культурные нужды».²⁵⁹ Как вспоминал член церковной двадцатки С. Путьро, во время митинга чуть не произошел инцидент, когда около сотни его участников вошли внутрь здания церкви, где в это время проводилась служба, ходили и разговаривали, а некоторые попытались сесть на скамьи спиной к алтарю, не снимая головных уборов. Потом, однако, они все же с неохотой уступили настоянию служителей церкви и сняли головные уборы, при этом один из них осведомился, не нужно ли ему также снять штаны.²⁶⁰ Попытка закрыть церковь в тот раз все же не удалась, так как соответствующее разрешение от местных властей так и не было получено.

В сельской местности гонения на церковь были тесно связаны с политикой коллективизации, так как церковь считалась духовным оплотом крестьянского сопротивления мероприятиям властей. Именно так обстояло дело и в Ингерманландии. Правительственная пропаганда утверждала, что выступления «кулаков» из числа национальных меньшинств области против колхозов инспирировались лютеранскими пасторами, за которыми стояли определенные силы в Финляндии, Эстонии и Латвии.²⁶¹ Нельзя считать случайным выход в 1931 г. в Ленинграде книги Л. Брандта «Лютеранство и его политическая роль», в которой утверждалось, что в национальных районах «успехи социализма вызвали бешеное сопротивление со стороны кулачества, которое... избрало религию, в данном случае лютеранскую, в качестве орудия своей контрреволюционной борьбы. <...> Кулачество использует лютеранскую свободу веры, лютеранский индивидуализм в качестве орудия против коллективизма, против единства материалистического мировоззрения, для контрреволюционной “критики” социализма. <...> Лютеранский поп устанавливает связи между финским, эстонским, латышским и немецким кулачеством и его зарубежными “братьями во Христе”».²⁶² Имелись в книге и конкретные обвинения: «Председатель лютеранской эстонской церковной двадцатки в

²⁵⁹ Там же. Д. 154. Л.1.

²⁶⁰ Myllyniemi V. Op. cit. С. 283.

²⁶¹ Kolarz W. Religion in the Soviet Union. London, 1961. P. 254.

²⁶² Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л., 1931. С. 99, 110.

Бывший лемболовский пастор А. Куортти (слева) после бегства в Финляндию

Валериановке (Красногвардейский район) Порман поджег колхоз, пастор (финн) Яданен²⁶³ из Пудости (Ленинградская область) утаивал разменную монету, пастор Лаврикала (Лауриккала — В.М.) вел в пограничных с Финляндией районах антиколхозную и шовинистическую пропаганду». ²⁶⁴ Начались аресты и высылки священнослужителей, закрытие лютеранских приходов. Еще в ноябре 1927 г. пастор С.Я. Лауриккала был в первый раз арестован и выслан из страны за то, что он в начале года при поездке в Финляндию закупил там религиозную литературу. Эта закупка была предварительно согласована с властями, но,

несмотря на это, органы ГПУ обвинили его в приобретении «вредных» книг. В декабре того же года, однако, власти пошли навстречу ходатайствам прихожан и финских дипломатов и разрешили пастору вернуться. ²⁶⁵ Лемболовский пастор А. Куортти был обвинен в том, что он вел занятия приходской школы, организовал церковный хор, собирал церковный налог, возбуждал прихожан против советской власти, не сообщил в ГПУ фамилии тех прихожан, которые в 1929 г. уехали в Финляндию. Тройка ГПУ в феврале 1930 г. вынесла Куортти смертный приговор, который был заменен заключением в лагерь на побережье Белого моря. ²⁶⁶ Избранный вместо Куортти пастором в

²⁶³ Имеется в виду, видимо, скворицкий пастор А. Ятинен.

²⁶⁴ Брандт Л. Указ. соч. С. 103.

²⁶⁵ Laurikkala S. Op. cit. S. 79-80.

²⁶⁶ Kuortti A. Pappina, pakkotyössä, pakolaisena. Inkeriläisen papin kokemuksia Neuvosto-Venäjällä. Porvoo — Helsinki, 1934. S. 98, 101, 120. Куортти сумел позднее бежать из лагеря и добраться до Финляндии. В последующие годы А. Куортти жил в Финляндии, работал учителем, с 1953 г. был проповедником Финского лютеранско-

Лемболово Х. Тёюли, председатель Финского лютеранского евангелического объединения, в том же году также был арестован, а в 1932 г. та же судьба постигла его преемника, казначея финской консистории С. Халттунена.²⁶⁷ В 1931–1932 гг. аресту подверглись А. Сойту, обслуживавший приходы Молосковицы и Колпаны, служивший в Губаницах и Гатчине заместитель председателя финской консистории С. Пеннанен, колтушский пастор П. Хайми, в 1933 г. — пастор Ю. Ваассели из Белоострова.²⁶⁸ Уже в 1929 г. были закрыты церкви в Вуоле и Копорье, здание первой было превращено в коммунистический клуб, второй — в столярную мастерскую. В начале 1930-х гг. та же участь постигла церкви приходов Лииссиля (Лисино) и Серепетта (Жеребятя).²⁶⁹ В 1932 г. подверглось роспуску образованное еще до революции Евангелическо-Лютеранское объединение и были закрыты имевшиеся в его распоряжении моленные дома.²⁷⁰ Был закрыт и ряд православных церквей, прихожанами которых были верующие ижоры и вожане.²⁷¹ В некоторых случаях прихожане сами вынуждены были отказываться от содержания приходов, так как не были в состоянии выплачивать те высокие налоги, которыми их облагали. Некоторые церкви оставались действующими, однако богослужения в них проводились крайне редко. Публичное празднование Рождества было запрещено, и семьи верующих отмечали его дома, за наглухо закрытыми шторами.

Наряду с прямым террором, была усилена атеистическая пропаганда. Центром антилютеранской пропаганды была партийная школа в Ленинграде, в которой обучались немецкие, финские и эстонские коммунисты. 80 учебных часов на последнем курсе обучения были посвящены вопросам борьбы с рели-

евангелического объединения (Suomen Luterilais-Evankelinen Yhdistys), с 1963 г. в течение 20 лет служил пастором в приходе. В последние годы жизни неоднократно приезжал в Россию, участвовал в возрождении религиозной жизни ингерманландцев. Умер в 1997 г. Автор нескольких книг по истории лютеранской церкви Ингрии.

²⁶⁷ Kuortti A. Inkerin kirkon vaikeita vuosia. S. 33.

²⁶⁸ Ibid. S.29, 73; Luther G. Op. cit. S. 106.

²⁶⁹ Tietoja Inkerin kirkollisesta toiminnasta. Päiväty 30.9.1936 // КА. IA. Kansio XXX.

²⁷⁰ Mustonen J. Inkerin kirkon kärsimysten tie // КА. IA. Kansio XXX.

²⁷¹ Kuortti A. Inkerin kirkon vaikeita vuosia. S. 72, 157; Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 80.

гией. При этой же школе работали годовичные курсы для должностных лиц колхозов и сельских Советов, которые посещали представители национальных групп, традиционно исповедовавших лютеранство. Слушатели курсов образовывали антирелигиозные бригады, которые выезжали в финские, эстонские, латышские деревни и «обрабатывали» население; обычно это делалось на Рождество.²⁷² Значительное внимание антирелигиозной работе уделял Финский дом просвещения в Ленинграде. При доме действовала финская антирелигиозная комиссия из 15 человек, которую возглавлял член финской секции подотдела национальных меньшинств Й. Лаукканен и которая входила в Лигу воинствующих безбожников. Комиссия ставила целью «вовлечь трудящихся финнов Ленинграда и двух прилегающих нацменьрайонов на активную борьбу с религиозным дурманом и помогать всемерно всем мероприятиям Советской власти».²⁷³ На собрании в Финском домпросвете 25 ноября 1933 г. обсуждалась борьба против Рождества и было принято решение «организовывать антирелигиозные ударные бригады, которые будут посылаться в различные местности, чтобы проводить антирелигиозную работу, отправлять в деревню антирелигиозные кинофильмы, организовывать коллективные экскурсии в город в антирелигиозный музей».²⁷⁴ Детей в детских садах и школах воспитывали в антирелигиозном духе. Для старшеклассников в 1931 г. был выпущен толстый «Учебник безбожия».²⁷⁵ Авторству финских коммунистов принадлежали и другие антирелигиозные учебные пособия, в частности, «Как финское духовенство «строит» социализм» и «Боритесь против рождественской традиции» К. Венто и «Черные силы» И. Саволайнена.²⁷⁶ В первой из перечисленных работ, в частности, финская церковь называлась «верным батраком международного капитализма», утверждалось, что финские «пасторы и церковники активно участвовали в грабительских походах Юденича и Эльвенгрена», что они сопротивляются осуществлению плана первой пятилетки,

²⁷² Kolarz W. Op. cit. P. 255.

²⁷³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 285. Оп. 11. Д. 2. Л. 12.

²⁷⁴ Там же. Л. 21.

²⁷⁵ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 81.

²⁷⁶ Vento K. Miten suomalainen papisto «rakentaa» sosialismia. Leningrad — Petroskoi, 1930; Idem. Taistelkaa joulun viettoa vastaan. Leningrad — Petroskoi, 1931; Savolainen Y. Mustat voimat. Leningrad — Petroskoi, 1931.

коллективизации сельского хозяйства и просвещению трудящихся. Яростным нападкам на страницах брошюры подвергались служители ингерманландских приходов, в особенности пастор С.Я. Лауриккала. Брошюра заканчивалась призывом: «Беспощадно разобьем религиозную ложь и выгоним нашего классового врага из его последнего оплота — церкви!». ²⁷⁷ На финский язык переводились антирелигиозные сочинения Е.М. Ярославского. Много места атеистической пропаганде и обличению «пороков» лютеранского духовенства уделялось на страницах газеты «Вапаус».

Антирелигиозная политика властей затронула и православные приходы, действовавшие в районах расселения ижор и вожан: здесь церкви также закрывались, духовенство и верующие подвергались гонениям. Ижорянин с Сойкинского полуострова П. Сергеев, бежавший в начале 1932 г. в Финляндию, рассказывал, что в деревне Кирконмяки, находившейся недалеко от его деревни, имелись две церкви. Одна из них в 1930 г. была превращена в клуб, в котором начали устраиваться танцы и антирелигиозные мероприятия. Во время престольных праздников, когда около церкви, остававшейся действующей, проводились крестные ходы, коммунисты и антирелигиозные активисты одновременно организовывали около клуба свои мероприятия, распевали революционные и антирелигиозные песни. ²⁷⁸

Репрессии периода коллективизации и культурной революции имели не национальный, а социальный характер. По всей стране сотни тысяч крестьян подверглись раскулачиванию и высылке из родных мест. В Ленинградской области террор затронул русских крестьян и православное духовенство и верующих не в меньшей степени, чем национальные и религиозные меньшинства. Однако общественным мнением в Финляндии события в Ингрии воспринимались именно как целенаправленное притеснение ингерманландских финнов. В годы коллективизации началось обратное движение ингерманландцев через границу: от трех до четырех тысяч человек, спасаясь от репрессий, бежали из Ингрии и Восточной Карелии в Финляндию и Эстонию. Если в 1927 г. в Финляндии насчитывалось примерно 3000 ингерманландцев и 5000 восточных карел, к 1934 г. по данным Центрального комитета соплеменных организаций, их

²⁷⁷ Vento K. Miten suomalaisen papisto «rakentaa» sosialismia. S. 6, 10, 52, 61.

²⁷⁸ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 85.

численность составила соответственно 4546 и 6791 человек²⁷⁹ (более половины ингерманландских выходцев проживало в пограничном Выборгском лене). 5 марта 1930 г. на собрании ингерманландских делегатов в Выборге было принято обращение к премьер-министру Финляндии К. Каллио с просьбой выступить на защиту притесняемого ингерманландского населения, привлечь внимание Лиги Наций и руководства великих держав к ингерманландской проблеме.²⁸⁰ В финской печати была развернута энергичная антисоветская кампания, начало которой было положено статьей в номере газеты «Суомен хеймо», органа Карельского Академического общества, от 22 февраля 1931 г., под заголовком «Как Советская Россия выполняет обещания, данные на Тартуских мирных переговорах».²⁸¹ Советское руководство обвиняли в нарушении обещаний о гарантиях ингерманландской автономии, приложенных к Тартускому договору. В адрес финляндского правительства звучали призывы потребовать от советского руководства прекратить депортации и разрешить высланным или вернуться на родину, или переехать в Финляндию.²⁸² На волне протеста вновь зазвучали территориальные претензии к восточному соседу. 12 апреля 1931 г. на торжественном заседании, посвященном дню финляндско-эстонского сближения, в присутствии президента страны, министров и высших военных чинов, главный секретарь «Союза независимости» Э. Раяккёнен произнес речь, в которой, в частности, заявил, что «для полноты и силы Финляндии ей недостает только Ингрии и Восточной Карелии».²⁸³ Ингерманландский союз, по сведениям советского полпредства, получил разрешение от Министерства внутренних дел «проводить сбор средств для работы за Ингерманландию».²⁸⁴ 17 апреля произошел инцидент в советском представительстве в Хельсинки, когда студент С. Каява, ингерманландский уроженец, проник внутрь здания и разбил там несколько оконных стекол.²⁸⁵ Советская пресса,

²⁷⁹ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S. 308.

²⁸⁰ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

²⁸¹ Nägerd T. Op. cit. S. 172; Tynni A. Op. cit. S. 280.

²⁸² Nägerd T. Op. cit. S. 174.

²⁸³ Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. I. 1920–1933. Helsinki, 1966. S. 213.

²⁸⁴ Рупасов А.И. Указ. соч. С. 158.

²⁸⁵ Известия. 1931. 20 апреля.

со своей стороны, принялась за разоблачение агрессивной финляндской политики. 20 апреля на страницах «Известий» была опубликована заметка «Новая антисоветская провокация в Финляндии». Особенно резко реагировали на антисоветские выступления в Финляндии ленинградские финноязычные газеты «Вапаус» и «Нуори каарти».

Постановка ингерманландского вопроса на уровне советско-финляндских межгосударственных отношений становилась неизбежной. Временный поверенный в делах Финляндии в СССР Э. Вестерлунд зимой 1931 г. в беседах с руководством НКИД неоднократно затрагивал вопрос о репрессиях в Ингерманландии.²⁸⁶ В Хельсинки министр иностранных дел Финляндии А.С. Юрье-Коскинен в беседе с советским полпредом И.М. Майским в начале мая предложил принимать всех без различия ингерманландцев в колхозы и проводить переселения только в пределах Ингерманландии.²⁸⁷ Выступать с официальным заявлением финское руководство, однако, не спешило. Видимо, оно не было склонно предпринимать шаги, которые вели бы к обострению отношений с СССР, и сделало это лишь под энергичным давлением общественных организаций. Ингерманландская проблема рассматривалась в правительстве 11 и 13 апреля, и, наконец, 8 мая было принято решение об обращении с нотой к советскому правительству.²⁸⁸ 16 мая 1931 г. Э. Вестерлунд передал в НКИД ноту, в которой заявлялось, что высылки финских крестьян из Ленинградской области вызывают беспокойство в Финляндии, и содержалась просьба «найти средства, способные устранить причины беспокойства... и создать этим благоприятные условия для постоянного развития дружественных отношений, существующих между двумя странами».²⁸⁹ В ответ 17 и 24 мая были переданы две ноты за подписью заместителя наркома иностранных дел Н.Н. Крестинского, в которых осуждались поднятая в Финляндии «клеветническая кампания» по поводу «мнимого» преследования ингерманландцев и бездействие правительственных органов по отношению к ней, заявлялось, что ингерманландские крестьяне сами «...решениями своих сельских сходоуд удаляют из своей среды кулаков, составляющих ничтожную часть населения и старающихся всеми мерами, вплоть до

²⁸⁶ Рупасов А.И. Указ. соч. С. 157.

²⁸⁷ Там же. С. 159.

²⁸⁸ Nägerd T. Op. cit. S. 174.

²⁸⁹ ДВП СССР. Т. 14. М., 1968. С. 350.

применения террора, мешать подъему материального и культурного уровня подавляющего большинства финского крестьянства...»; нота финляндского правительства была расценена как вмешательство во внутренние дела Советского Союза.²⁹⁰ Со своей стороны, НКВД в ноте от 18 мая обвинил Финляндию в строительстве военных объектов на островах Финского залива, которые, по условиям Тартуского мира, подлежали демилитаризации.²⁹¹

Между тем в Финляндии продолжались антисоветские выступления. 12 мая, по инициативе Карельского академического общества и с одобрения президента Свинхувуда, в Хельсинки перед зданием советского представительства была организована демонстрация протеста, руководители которой поклялись с оружием в руках защищать своих соплеменников.²⁹² Еще одна подобная акция состоялась в конце мая на Карельском перешейке: 26 мая участники проходившего в Выборге «съезда фронтовиков» приехали в Терийоки и оттуда пешим порядком отправились к форту Ино; на проведенном по окончании похода митинге ораторы призывали быть готовыми к предстоящей борьбе.²⁹³ Ингерманландский союз предпринимал попытки привлечь внимание международной общественности к ингерманландской проблеме. Соответствующая информация передавалась в зарубежные посольства. К. Тюнни в июне-июле 1931 г. совершил две поездки за границу. Во время первой из них он посетил Эстонию, Латвию, Польшу и Чехословакию, а затем отправился в Англию и Францию. Материалы о депортациях ингерманландцев появились в эстонской и латвийской прессе, в лондонской «Таймс» (номер от 23 июля) и парижской «Тан» (номер от 9 августа).²⁹⁴ Попытка МИД Финляндии побудить другие державы к вмешательству в события в Советском Союзе, однако, не достигла результата.²⁹⁵

Определенное воздействие на поведение советских властей активность Хельсинки на международной арене все же оказала. Советское руководство не было заинтересовано в эскалации напряженности в отношениях с Финляндией, равно как и в

²⁹⁰ Там же. С. 327–330, 348–350.

²⁹¹ Там же. С. 344.

²⁹² Korhonen K. *Op. cit.* S. 214.

²⁹³ Известия. 1931. 28 мая.

²⁹⁴ Tynni A. *Op. cit.* S. 284, 287, 289.

²⁹⁵ Juva E.W. P.E. Svinhufvud. II. 1917–1944. Porvoo — Helsinki, 1961. S. 539.

международной огласке событий в Ингерманландии. Беспокойство внушало и перспектива военного сближения на антисоветской основе, в случае дальнейшего ухудшения двусторонних отношений, между Финляндией и Польшей, к которым могли также присоединиться прибалтийские государства. Характерно в этой связи замечание начальника отдела северных стран МИД Германии О. Мойера в беседе с финляндским посланником в Берлине: «Едиственный вопрос, который многократно обсуждается в России, заключается в следующем: пойдет ли Финляндия в какой-либо форме, непосредственно или косвенно, на заключение пакта с Эстонией, Польшей и Румынией».²⁹⁶ Между тем некоторая активизация финляндско-эстонско-польских контактов в военной сфере была налицо.²⁹⁷ Поэтому, формально отклонив демарш финляндского правительства, советское правительство все же сочло возможным принять некоторые меры для преодоления дипломатического кризиса. Народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов встречался в Женеве с министром иностранных дел Финляндии А.С. Юрьё-Коскине-ном. Их неофициальные переговоры имели большое значение для урегулирования конфликта. В результате достигнутого компромисса советская сторона согласилась приостановить депортации ингерманландцев и разрешить некоторым из высланных вернуться в места прежнего проживания в обмен на обязательство Финляндии не поднимать ингерманландский вопрос в Лиге Наций. По слухам, именно кампания, поднятая за рубежом, была причиной отказа властей Ленинградской области от намеченной на май 1931 г. новой масштабной кампании по депортации ингерманландских «кулаков». Юрьё-Коскинен после встречи с Литвиновым отправил телеграмму в Хельсинки, в которой указал на необходимость обуздать «безответственные элементы» в Финляндии.²⁹⁸ 28 мая Министерство иностранных дел Финляндии призвало прессу проявлять сдержанность в статьях о положении соплеменников в СССР.²⁹⁹ Финляндское предста-

²⁹⁶ Цит. по: Барышников В.Н. От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 104.

²⁹⁷ Рупасов А.И. Указ. соч. С. 133; Leskinen J. Vaiettu Suomen silta. Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton varalta vuosina 1930–1939. Helsinki, 1997. S. 170–171.

²⁹⁸ Известия. 1931. 30 мая.

²⁹⁹ Korhonen K. Op. cit. S. 216.

вительство в Москве также считало необходимым воздержаться от шагов, которые вели к конфронтации с Советским Союзом. В донесении, направленном им в Хельсинки 16 июля, говорилось: «Никакой реальной политической выгоды... правительство Финляндии не может иметь в ингерманландском деле и едва ли оно в этом чего-либо достигнет, да оно и само, несомненно, хорошо улавливает пределы внешнеполитических возможностей».³⁰⁰ Советские газеты, со своей стороны, прекратили свои ответные выпады против северо-западного соседа. Стремлением избежать открытой конфронтации с Финляндией объясняется и отказ ленинградских городских властей от попыток закрыть приход финской церкви Св. Марии: приход находился под патронатом финляндского консульства в Ленинграде, проживавшие в городе финские граждане были его членами (между тем в 1931–1937 гг. одна за другой были закрыты почти все остальные лютеранские церкви города³⁰¹). В последующие месяцы антисоветская кампания в Финляндии была свернута, хотя отдельные акции время от времени еще имели место.³⁰²

Ослабление давления на деревню на Северо-Западе России было связано не только с отношениями с Финляндией, но и с корректировкой политики коллективизации на правительственном уровне: инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР № П-6028 от 8 мая 1933 г. объявила партийным и советским работникам, органам ГПУ, суда и прокуратуры об окончании массового террора против крестьянства и применения жестких форм репрессий в деревне.³⁰³ Масштабы депортаций в 1932–1934 гг. действительно заметно сократились: за эти годы из Ингрии было выслано «всего лишь» около тысячи человек.³⁰⁴ Впрочем, и в этот период борьба с «буржуазной националистической контр-

³⁰⁰ Цит. по: Барышников В.Н. От прохладного мира к Зимней войне. С. 103.

³⁰¹ Шульц С.С. Указ. соч. С. 250–258.

³⁰² В частности, антисоветские и антироссийские высказывания, речи об освобождении Карелии и Ингрии звучали на Четвертом съезде финно-угорских народов, проходившем в 20-х числах июня; 5 июля в районе границы была проведена военная демонстрация под предлогом празднования годовщины происшедшего здесь в 1555 г. сражения между русскими и шведскими войсками (Известия. 1931. 28 июня, 9 июля).

³⁰³ Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 52.

³⁰⁴ Nevalainen P. Inkeriläiset ja Pietari. S. 41.

революцией» не прекращалась: в октябре 1932 — мае 1933 г. ГПУ Ленинградского военного округа разрабатывало дело о так называемом «заговоре финского генштаба». В результате операции были ликвидированы 23 «контрреволюционные ячейки», из них 15 в Карелии и 8 — в Ингрии. По данному делу в Ингрии было арестовано 310 человек (в том числе 231 крестьянин, включая 12 председателей и членов правлений колхозов, 19 священнослужителей).³⁰⁵

В то же время советское руководство старалось продемонстрировать, что автономные права ингерманландского и других меньшинств неукоснительно соблюдаются. С формальной точки зрения все так и обстояло: национальные сельсоветы, учебные заведения и культурные учреждения действовали по-прежнему, продолжал существовать Куйвозовский национальный район. Более того, в начале 1930-х на основе латинской графики был создан алфавит для ижорского языка, никогда ранее своей письменности не имевшего, а также для бесписьменных ранее языков карелов, вепсов и саамов. С 1932 г. в издательстве «Кирья» началось издание учебников для ижорских и вепских школ. В том же году преподавание в 19 ижорских и 37 вепских школах области было переведено на родной язык.³⁰⁶ В эстонско-финском педагогическом техникуме в Ленинграде в 1931 г. было образовано ижорское отделение, и техникум стал эстонско-финско-ижорским.³⁰⁷ При разработке ижорской письменности и единого языка возникли, впрочем, определенные сложности в силу различий между двумя диалектами ижорского языка: сойкинским и лужским. За основу единого языка был взят сойкинский диалект, что вызвало неприятие со стороны прилужских ижор. В целом перевод школьного преподавания на ижорский язык самими ижорами был воспринят неоднозначно: имели место случаи, когда ижорские учителя и местные жители противились ижоризации своей школы, так как преподавание на ижорском языке, особенно при недостаточном внимании к

³⁰⁵ Такала И.Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. С. 177—178.

³⁰⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 11. Д. 4. Л. 54; Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 156—158; Fishman O.M., Juhnjova N.V., Konkova O.I., Shangina I.I., Zadneprovskaja A.J. Historical Ethnographic Composition of St.Petersburg and the Leningrad Region // Karelia and St. Petersburg. From Lakeland to European Metropolis. Joensuu, 1996. P. 89

³⁰⁷ Миренков В.И. Указ. соч. С. 363.

изучению русского языка, делало проблематичным дальнейшее продолжение обучения. В середине 1930-х гг. в 10 ижорских сельсоветах Кингисеппского района действовали два сельских клуба, восемь изб-читален, четыре колхозных клуба, три библиотеки, 12 красных уголков.³⁰⁸ Издательство «Кирья» выпускало на ижорском и вепском языках не только учебную литературу, но переводы произведений советских писателей. Общий тираж изданий на ижорском языке насчитывал 25 тысяч экземпляров. В Ленинградской области выходила на ижорском языке газета «Каластая» («Kalastaja» — «Рыбак»)³⁰⁹ Всего в 1935 г. в Ленинграде и области работали следующие национальные школы:³¹⁰

	начальные	неполные средние ³¹¹	средние
финские ³¹²	267	45	1
эстонские	90	13	1
вепские	53	7	
ижорские	18	5	
латышские	21	3	1
немецкие	10	5	1
карельские	5		
татарские	7		2
польские			3
еврейские			2

Если говорить о собственно коллективизации в Ингерманландии, она была в основном завершена к середине 1930-х гг. По данным на декабрь 1934 г., в 34 районах Ленобласти коллективизация была осуществлена на 70 % (в 14 из них — более, чем на 80 %), в 35 районах — на 50–70 %, в шести районах — менее, чем на 50 % (в Волосовском районе — на 39,7 %).³¹³ Матери-

³⁰⁸ Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 322.

³⁰⁹ Там же. С. 401.

³¹⁰ Составлено по: Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986. S. 79; Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 148.

³¹¹ С семилетним курсом обучения.

³¹² Некоторое количество, видимо, в Мурманском округе.

³¹³ Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе. С. 337–338.

альное положение большинства обобществленных хозяйств было затрудненным, от былой зажиточности остались одни воспоминания. За свой труд в колхозах крестьянские семьи получали крайне незначительное вознаграждение. Ингерманландец Т. Васке из деревни Соелово, бежавший в Финляндию, свидетельствовал: «Положение жителей деревни стало очень тяжелым. Все терпят нужду. Трудовой повинности подлежат все в возрасте с 12 лет. В колхозе за работу платят зарплату по 50 копеек в день. Продукты надо покупать в колхозном магазине. Цены на товары высоки... Все работы нормированы. Каждый получает план работы на день. Если он по той или иной причине не сможет выполнить свою работу, на следующий день ему остается доделать эту же работу, а в книгу учета трудодней ему записывается отработка только одного дня».³¹⁴ Обеспечивать себя колхозникам приходилось главным образом за счет небольшого приусадебного участка и единственной коровы, которую позволялось держать. Ингерманландские крестьянки отвозили молоко в город, где у них, как правило, имелись постоянные клиенты, и обменивали его на хлеб. Филолог профессор Э.Г. Карху, который в те годы, будучи ребенком, жил у родственников в деревне Алакюля прихода Хиетамяки (его родители были высланы в Хибины), вспоминает: «Колхоз едва справлялся с обязательными госпоставками сельхозпродуктов, за которые выплачивали мизерные суммы — в десять-пятнадцать раз меньше рыночных цен, производить такую продукцию было себе в убыток. На денежную оплату трудодней колхозникам оставались гроши, низкой была и натуроплата зерном и картофелем... Но и индивидуальное хозяйство с коровой и огородом площадью в четверть гектара облагалось непомерными налогами. Государству надо было отдать в год по 250 литров молока, 250 килограммов картофеля, немалую сумму денег... Налогам облагалось абсолютно все — и овечка, и курица, и ягодный куст или фруктовое дерево».³¹⁵ Не во всех колхозах дела шли одинаково плохо — в некоторых из них жизнь была более зажиточной. Играли свою роль качество почвы, расстояние от рынков Ленинграда, деловые способности колхозного руководства. Э.Г. Карху пишет: «В деревнях Рюэмя и Райккоси колхозники жили чуть лучше, чем в Алакюля или Финно-Высоцком. Многие зависело от расторопности и деловитости председателя, от того, осмеливал-

³¹⁴ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 82.

³¹⁵ Карху Э.Г. Указ. соч. С. 178.

ся ли он хотя бы часть производимой колхозом продукции убе- речь от обязательных госпоставок и продать на городском рын- ке за куда более высокую цену, чем платило государство. Такие торговые операции проводились тайком, на рынок направляли надежных людей, обычно женщин, которые продавали колхоз- ное молоко или картошку как свою, а выручка шла в общую кассу, чтобы было из чего платить за трудодни колхозникам. За подобную председательскую хитрость могли и под суд отдать, но без риска колхозная касса была пуста. А между тем в Рюэмя за трудодень платили иногда даже по три рубля — почти неве- роятную сумму по тому времени».³¹⁶

К началу 1936 г. в Ленинградской области насчитывалось 580 финских колхозов,³¹⁷ 137 вепсских, 136 эстонских, 52 ижор- ских, 33 латышских, 24 немецких, 22 карельских.³¹⁸ Материалы 4-го областного совещания по работе среди национальных мень- шинств, проводившегося в 1933 г., показывают, что положение в национальных колхозах области отнюдь не полностью устра- ивало власти. В постановлении совещания было, в частности, записано: «Руководство колхозами со стороны сельсоветов со- вершенно недостаточное и почти отсутствует специальная ра- бота с колхозным активом. Во многих колхозах самый состав и особенно органы управления засорены классово чуждыми эле- ментами, вследствие чего в ряде колхозов наблюдается вред- ительное отношение к общественной собственности, главным образом к молочному скоту,... наблюдается также упорный са- ботаж выполнения обязательств перед государством. Большинст- во нацменколхозов по темпам своего развития и организацион- но-хозяйственного укрепления отстают по сравнению с другими колхозами области. В ряде колхозов имеют место проявления местного национализма, выражающегося в форме националь- ной замкнутости и выживания из колхозов русских бедняцко- середняцких хозяйств».³¹⁹

В общем и целом положение в ингерманландских колхозах было далеким от благополучного. Составленная авторами сбор-

³¹⁶ Там же. С. 185.

³¹⁷ По всей области, считая Мурманский округ, где могло быть около 10 финских колхозов.

³¹⁸ Смирнова Т.М. Этнический состав и расселение жителей Петербурга — Петрограда — Ленинграда и губернии (области) в первой половине XX в. // Клио. 2000. № 3 (12).

³¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 11. Д. 4. Л. 55.

ника «Документы об Ингерманландии» подборка сообщений из номеров газеты «Вапаус» за январь 1935 г. наглядно свидетельствует об «успехах» колхозного строительства в Ингерманландии. Вот некоторые из них: «Колхоз “Зерно” (Куйвозовский район) к 6 января еще не приступил к лесным работам. Не завершена также заготовка навоза и песка. Колхозные лошади стоят без дела, так как только у трех из них исправны упряжь и сани... В колхозе “Буря” дела идут плохо. Окончательное распределение урожая не произведено. Бухгалтерская отчетность запущена. Культмассовая работа и подписка на газеты проводятся слабо. Заготовка навоза и удобрений к 17 января еще не начата. Сельскохозяйственные машины все еще не отремонтированы... В колхозе “Новая жизнь” замерзло 2000 кг картофеля и 2000 кг моркови. Лошади находятся в плохом состоянии, поэтому весенние работы не могут производиться... В “Пионере” Тосненского района слабая готовность к севу: семена не рассортированы, сельскохозяйственные машины не отремонтированы... В скворицком колхозе “Пюринтё” еще не завершено распределение урожая, не созывались ни производственное совещание, ни общее собрание. Трудовая дисциплина слаба и денежные дела хозяйства расстроены». ³²⁰ Достаточно красноречива и справка «о нарушении устава сельскохозяйственной артели по распределению доходов в колхозах Тосненского и Парголовского районов», составленная заведующим сельскохозяйственным отделом обкома ВКП(б) Сиротиным и датированная мартом 1938 г. Из этой справки следует, что в Тосненском районе из 116 колхозов, закончивших распределение доходов, 35 колхозов ничего не выдавали деньгами на трудодни, в Парголовском — 13 из 18. В ряде колхозов имело место разбазаривание средств: «В колхозе “Комсомолец” деньгами на трудодни ничего не выдают, в то время как колхозом израсходован 1721 рубль на пьянки под видом празднования революционных праздников; на административно-хозяйственные расходы по смете было намечено 723 рубля, а фактически израсходовано 2437 рублей (главным образом на оплату председателя колхоза). Колхоз “Нива” истратил... на оплату наемных рабочих 5237 рублей, на административно-хозяйственные расходы 1880 рублей». ³²¹ Из приведенных выше примеров видно, что финны-земледельцы, славившиеся своей рачительностью и умением вести хозяйство, в

³²⁰ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 75.

³²¹ РГА СПИ. Ф.17. Оп. 120. Д. 334. Л. 14–15.

новых условиях нередко также утрачивали свои навыки и меняли отношение к делу не в лучшую сторону.

4. Репрессии середины — второй половины 1930-х гг. и уничтожение ингерманландской автономии.

Период 1932–1934 гг. в Ингерманландии оказался, однако, лишь временным затишьем перед новой бурей, разразившейся в 1935 г. Новые репрессии были предопределены факторами как внешнего, так и внутреннего порядка. К первым следует отнести пересмотр отношения к Финляндии в оперативных планах командования РККА: если до конца 1920-х гг. в этих планах делался расчет на нейтралитет Финляндии в случае войны, то начиная с 1930 г. Финляндия стала учитываться в качестве безусловного противника. Аргументом для этого вывода стали попытки правого переворота в Финляндии на рубеже десятилетий, в частности, поход участников праворадикального лапуаского движения на Хельсинки в июне 1930 г., в результате которого правительство сделало ряд уступок правым. М.М. Литвинов на приеме иностранных представителей 26 июля 1930 г. выражал беспокойство по поводу активизации агрессивных и националистических сил в Финляндии.³²² Не могло не сыграть свою роль и то обстоятельство, что в феврале 1931 г. президентом Финляндии был избран П.Э. Свинхувуд, бывший глава первого правительства независимой Финляндии, чья неприязнь к России была почти легендарной. Широко были известны высказывания Свинхувуда «Россия — единственный постоянный враг Финляндии» и «любой враг России должен быть всегда другом Финляндии».³²³ В номере «Известий», вышедшем 3 марта, на следующий день после инаугурации нового президента Финляндии, последний был назван «знаменем финской реакции, вождем финской буржуазии и деревенского кулачества», ставленником лапуасцев.³²⁴ В том же году состоялось возвращение

³²² Килин Ю.М. Военно-политические аспекты советско-финляндских отношений. С. 92; Juva E.W. Op. cit. S. 399.

³²³ Терюков А.И. Указ. соч. С. 226.

³²⁴ В той же заметке утверждалось, что «призывы к отторжению от СССР Карелии и Ленинградской области явились... одним из основных лозунгов лапуаской агитации в пользу Свинхувуда» и что «весьма знаменательными и далеко не случайными являются те исключитель-